

ТРАГЕДИЯ ДОВЕРЧИВОСТИ

Москва, Колосовский - 1991 - 152 стр. -
К 100-летию со дня рождения Осипа МАНДЕЛЬШТАМА

НЕСКОЛЬКО лет назад опытный и знающий литературовед и редактор предложил мне тему: чем ценен Мандельштам для нас, теперешних. Тогда такое предложение меня удивило. Я подумал: «Господи, о чем тут рассуждать, издать бы, чтоб можно было прочесть». Теперь издан. Еще не полностью, еще не все, но практически каждый желающий может достать томик стихов Осипа Эмилевича Мандельштама, их общий тираж в стране достигает полумиллиона экземпляров. Изданы воспоминания его вдовы, спасительницы его рукописного наследия, Надежды Яковлевны Мандельштам.

Вспомним, однако, что Мандельштам, которого нередко сравнивают с такими «трудными» европейскими поэтами, как Томас Стюрис Элиот или Райнер Мария Рильке, сам по себе не был ни герметичным, ни элитарным, ни тем более снобом. Большинство его произведений при жизни (пока ему еще разрешали печататься) были опубликованы в самых разных журналах и газетах, от изысканного «Аполлона» до «Нового мира» и «Огонька», от «Известий» до провинциальных газетных листков. Он был открыт любому непредубежденному собеседнику. В трудное для него время, в 1929 году, он сам был литературным сотрудником совсем еще юной тогда газеты «Московский комсомолец».

По убеждениям своим, по эстетическим взглядам Мандельштам, не будучи, как иногда говорят, «практикующим христианином», был тем не менее именно христианским художником, расматривающим подлинное русское искусство как часть европейского христианского искусства. Вот что писал он об этом в 1915 году в статье «Пушкин и Скрябин», которая дошла до нас, к сожалению, только фрагментами и до сих пор не публиковалась в отечественных изданиях:

«Христианское искусство всегда действие, основанное на великой идее искупления. Это — бесконечно разнообразное в своих проявлениях «подражание Христу», вечное возвращение к единственному творческому акту, положившему начало нашей исторической эре. Христианское искусство свободно. Это в полном смысле слова «искусство ради искусства». Никакая необходимость, даже самая высокая, не омрачает его светлой внутренней свободы, ибо прообраз его, то, чему оно подражает, есть само искупление мира Христом. Итан, не жертва, не искупление в искусстве, а свободное и радостное подражание Христу — вот краеугольный камень христианской эстетики. Искусство не может быть жертвой, ибо она уже совершилась, не может быть искуплением, ибо мир вместе с художником уже искуплен, — что же остается? Радостное богообщение, как бы игра Отца с детьми, жмурки и прятки духа! Божественная иллюзия искупления, заключающаяся в христианском искусстве, объясняется именно этой игрой с нами Божества, которое позволяет нам блуждать по тропинкам мистерии с тем, чтобы мы как бы от себя попали на искупление, пережив катарсис, искупление в искусстве. Христианские художники — как бы вольноотпущенники идеи искупления, а не рабы и не проповедники. Вся наша двухтысячелетняя культура, благодаря чудесной милости христианства, есть отпущение мира на свободу для игры, для духовного веселья, для свободного «подражания Христу...»

Это писалось во время первой мировой войны, о которой пословица гласит: «Когда говорят пушки, музы молчат». И двуглазый поэт горячая надежда на то, что дух европейского христианства, европейской культуры, европейского искусства способен помочь народам Европы отжаться от братоубийственной бойни. Об этом же писал поэт в статье «Пшеница человеческая»:

«...Не на мельнице политической истории, не тяжелым жерновом катастрофы человеческая пшеница будет обращена в муку. Ныне трижды благословенно все, что не есть политика в старом значении слова, все, что поглощено великой заботой об устроении мирового хозяйства, всяческая домовитость и хозяйственность, всяческая тревога за вселенский очаг. Добро в значении этического и добро в значении хозяйственного, т. е. совокупности утвари, орудий производства, горбом тысячелетий нажитого вселенского скарба, сейчас одно и то же.

Ни один народ больше не самоопределяется в процессе политической борьбы. Политическая независимость больше не делает народа, только бросив свой мешок на эту новую мельницу, под жернова этой новой заботы, мы получим обратно уже чистую муку — нашу новую сущность как народа».

ОН БЫЛ, несомненно, утопистом, христианским художником и христианским социалистом, гуманистом в самом трагическом смысле этого слова. И трагедия состояла в той детской доверчивости, которая позволяла ему надеяться на спасительную роль духовно единой, христиански одухотворенной европейской культуры — для русского народа, для русской революции, для европейской цивилизации в целом.

Кажется, эта надежда как нельзя более актуальна и в наши дни, когда страна предпринимает доверчивую и трагическую попытку сбросить пути бесчеловечной утопии и вернуться к ценностям европейского дома. Считается, что подобная попытка уже была сделана семьдесят лет назад, в эпоху нэпа. Тогда-то, в 1922 году, и была написана Мандельштамом статья «Гуманизм и современность», странно соединяющая в себе надежду и сомнение, предвидение катастрофических отдаленных последствий революции и робкую попытку утешиться тем, что эти последствия, может быть, будут не так ужасны.

Статья Мандельштама звучит удивительно современно. Становится понятно, почему ее не переиздавали у нас в безбожную, человекоубийственную «ассирийскую» эпоху рабского существования, отнимаемых прав и удушаемого духа. Ситуация изменилась, но сомнения остаются.

БЫВАЮТ эпохи, которые говорят, что им нет дела до человека, что его нужно использовать, как кирпич, как цемент, что из него нужно строить, а не для него. Социальная архитектура измеряется масштабом человека. Иногда она становится враждебной человеку и питает свое величие его унижением и ничтожеством.

Ассирийские пленники копошатся, как цыплята, под ногами огромного царя, воины, олицетворяющие враждебную человеку мощь государства, длинными кольями убивают связанных пигмеев, и египтяне и египетские строители обращаются с человеческой массой, как с материалом, которого должно хватить, который дол-

как, стучит нашими вьюшками и заслонками.

Как оградить человеческое жилище от грозных потрясений, где застраховать его стены от подземных толчков истории, кто осмелится сказать, что человеческое жилище, свободный дом человека не должен стоять на земле, как лучшее ее украшение и самое прочное из всего, что существует?

Правовое творчество последних поколений оказалось бессильным оградить то, ради чего оно возникло, над чем оно было и бесплодно мудрствовало.

Никакие законы о правах человека, никакие принципы собственности и неприкосновенности больше не страхуют чело-

Осип МАНДЕЛЬШТАМ ГУМАНИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

жен быть доставлен в любом количестве.

Но есть другая социальная архитектура, ее масштаб, ее мерой тоже является человек, но она строит не из человека, а для человека, не на ничтожестве личности строит она свое величие, а на высшей целесообразности в соответствии с ее потребностями.

Все чувствуют монументальность форм надвигающейся социальной архитектуры. Еще не видно горы, но она уже отбрасывает на нас свою тень, и, отвыкшие от монументальных форм общественной жизни, приученные к государственно-правовой плоскости девятнадцатого века, мы движемся к этой тени со страхом и недоумением, не зная, что это — крыло надвигающейся ночи или тень родного города, куда мы должны вступить.

Простая механическая громадность и голое количество враждебны человеку, и не новая социальная пирамида соблазняет нас, а социальная готика: свободная игра тяжестей и сил, человеческое общество, задуманное как сложный и дремучий архитектурный лес, где все целесообразно, индивидуально и каждая часть точно адекватна с громадой.

Инстинкт социальной архитектуры, то есть устройство жизни в величественных монументальных формах, казалось бы далеко превосходящих прямые потребности человека, глубоко присущ человеческим обществам, и не пустая прихоть диктует его.

Откажитесь от социальной структуры, и рухнет самая простая, для всех несомненная и нужная постройка, рухнет дом человека, человеческое жилище.

В странах, угрожаемых землетрясениями, люди строят плоские жилища, и стремление к плоскости, отказ от архитектуры, начиная с французской революции, проходит через всю правовую жизнь девятнадцатого века, который весь прошел в напряженном ожидании подземного толчка, социального удара.

Но землетрясение не пощадило и плоские жилища. Хаотический мир ворвался — и в английский хоум и в немецкий гемют; хаос поет в наших русских печ-

веческого жилища, дома больше не спасают от катастрофы, не дают ни уверенности, ни обеспечения.

Англичанин больше других лицемерно заботится о правовых гарантиях личности, но он забыл, что понятие хоума возникло много веков назад в его же стране как понятие революционное, как естественное оправдание первой социальной революции в Европе, по типу своему более глубокой и родственной нашему времени, чем французская.

Монументальность надвигающейся социальной архитектуры обусловлена ее призыванием организовать мировое хозяйство на принципе всемирной домашности на потребу человеку, расширяя круг его домашней свободы до пределов всемирных, раздувая пламя его индивидуального очага до размеров пламени вселенского.

Грядущее холодно и страшно для тех, кто этого не понимает, но внутреннее тепло грядущего, тепло целесообразности, «хозяйственности и теологии» так же ясно для современного гуманиста, как жар накаленной печки сегодняшнего дня. Если подлинно гуманистическое оправдание не ляжет в основу грядущей социальной архитектуры, она раздавит человека, как Ассирия и Вавилон.

То, что ценности гуманизма ныне стали редки, как бы изъяты из употребления и подспудны, вовсе не есть дурной знак. Гуманистические ценности только ушли, спрятались, как золотая валюта, но, как золотой запас, они обеспечивают все идейное обращение современной Европы и подспудно управляют им тем более властно.

Переход на золотую валюту дело будущего, и в области культуры предстоит замена временных идей — бумажных выпусков — золотым чеканом европейского гуманистического наследия, и не под заступом археолога звякнут прекрасные флорины гуманизма, а увидят свой день и, как ходячая звонкая монета, пойдут по рукам, когда настанет срок.

Публикация и вступительная заметка
Юрия ФРЕЙДИНА.